

213

ЗАПИСКИ

Миссіонера Киргизской миссіи, священника Филарета Синьковского, за послѣднюю треть 1882 года (начало Киргизской миссіи) и за 1883 годъ.

Послѣ семилѣтняго миссіонерскаго служенія на Алтаѣ, исполненнаго высокаго духовнаго утѣшенія, но неучадаго и многихъ нравственныхъ страданій, а еще болѣе неизбежнаго для нашей хрупкой тѣлесной храмины, — я нашелъ необходимымъ посѣтить мою родину, побуждаемый къ этому и послѣдовавшей въ то время кончиною моего незабвеннаго старца — родителя, и желаніемъ повидаться съ оставшимися въ живыхъ моими родными, — и отчасти потребностію нѣсколько отдохнуть и оживиться нравственно и физически на родинѣ, для всѣхъ и всегда незабвенной и дорогой. Съ разрѣшенія моего начальства, я, въ концѣ января 1882 года, сдалъ свой Черно-Ануйскій станъ другому миссіонеру, временно туда командированному и распростился, хотя ненадолго, но съ душевною скорбію, съ тѣми мѣстами и лицами, для которыхъ въ семь лѣтъ моего здѣсь служенія положилъ лучшія силы моей молодой жизни и съ которыми тѣсно сроднился душою. Но скорбь разлуки съ моими духовными чадами, изъ коихъ многіе мною и возрождены для жизни во Христѣ, — была растворена для меня утѣшеніемъ при видѣ искреннихъ слезъ, сожалѣнія о разлукѣ и горячихъ пожеланій скораго возвращенія, которыми напутствовала меня разноплеменная паства, въ время прощальныхъ моихъ священнодѣйствій и бесѣдъ съ нею въ новокрещенскихъ поселкахъ ввѣреннаго мнѣ отдѣленія. Додол

Выѣхавъ изъ предѣловъ Алтая въ началѣ февраля мѣсяца, я въ мартѣ былъ уже на родинѣ, имѣлъ утѣшеніе помолиться на свѣжей еще могилѣ отца и на могилахъ другихъ близкихъ и ми

лыхъ моему одинокому а, со смертію родителя, какъ бы еще болѣе осиротѣвшему сердцу.

Благодареніе Господу, благословившему не только исполниться моему задушевному желанію видѣть родину, но и сподобившему меня поклониться многимъ великимъ отечественнымъ святынямъ, въ особенности—въ первопрестольной Москвѣ, этомъ сердцѣ Россіи, всегда близкомъ и многовѣщающемъ сердцу всякаго русскаго человѣка, гдѣ бы онъ ни жилъ,—въ самой ли Россіи, въ дебряхъ ли Алтая, или на священныхъ высотахъ Аюна.

Бывши на родинѣ и даже еще на пути къ ней, я имѣлъ нѣсколько предложеній остаться здѣсь на службѣ; но любовь къ миссіонерскому дѣлу и къ дорогому Алтаю, сдѣлавшемуся для меня уже второю родиною, побудила меня отклонить всѣ лестныя предложенія этого рода и возвратиться въ миссію съ твердымъ намѣреніемъ потрудиться до конца дней моихъ, если только частые недуги мои невоспрепятствуютъ мнѣ.

На возвратномъ пути къ Алтаю, я на нѣсколько времени долженъ былъ остановиться въ Москвѣ, гдѣ и нашелъ гостепріимный пріютъ въ Покровскомъ миссіонерскомъ монастырѣ. Здѣсь я былъ съ братскою любовію принятъ и успокоенъ въ особенности достопочтеннѣйшимъ смотрителемъ миссіонерскаго корпуса въ томъ монастырѣ, о. Гермономъ Іоилемъ, всегда радушно принимающимъ у себя путешествующихъ русскихъ миссіонеровъ.—Да простить меня смиреніе почтеннѣйшаго о. Іоиля, если я, движимый чувствами искренней къ нему благодарности за его рѣдкое христіанское гостепріимство и истинно иноческую любовь къ братьямъ, трудящимся въ благовѣстіи Слова Божія,—позволю себѣ гласно засвидѣтельствовать мою сердечную признательность за его участіе ко мнѣ лично и къ нашей миссіи, выразившееся и въ дружескомъ пріемѣ меня—странника, и въ сопутствіи мнѣ при обзорѣ святынь Москвы и Лавры Преподобнаго Сергія, и въ предупредительномъ содѣйствіи мнѣ во всемъ, въ чемъ, какъ провинціальный гость столицы, я могъ понуждаться, и еще болѣе въ пожертвованіи о. Іоилемъ, для раздачи новокрещеннымъ, многихъ полезныхъ брошюръ и изданій имъ на его счетъ,

въ пользу Алтайской миссии, моихъ миссіонерскихъ записокъ за шесть лѣтъ.

Любовь и внимательность о. Иеромонаха Іоилы къ миссіямъ, конечно, исполнѣе, будетъ оцѣнена и членами миссій, и самымъ миссіонерскимъ обществомъ—и дай Богъ, чтобы служеніе впочтеннаго инока св. дѣлу продолжалось на многіе годы.

Въ концѣ Іюня 1882 года я уже былъ на Алтай и въ предѣлахъ моего Черно-Ануйскаго отдѣленія. Теперь я могъ, съ радостнымъ чувствомъ и горячею молитвою къ благодѣющему мнѣ Господу, сказать въ своемъ сердцѣ: *я дома, у тебя, дорогой Алтай!*

Съ іюля по начало октября я провелъ въ Черно-Ануйскомъ отдѣленіи въ обычныхъ миссіонерскихъ и приходскихъ трудахъ. Между тѣмъ приспѣло для меня время окончательной уже разлуки съ Чернымъ-Ануемъ и вступленія на совершенно новое, хотя и миссіонерское же, поприще служенія.

Еще во второй половинѣ 1881 года, указомъ Святѣйшаго Синода, даннымъ на имя Преосвященнаго Петра, Епископа Томскаго и Семипалатинскаго, разрѣшено открытіе Киргизской миссии въ Семипалатинской области, съ подчиненіемъ ея Начальнику Алтайской миссии.

Въ сентябрѣ 1882 года, Начальникомъ Алтайской и Киргизской миссій, Преосвященнымъ Владиміромъ, Епископомъ Бійскимъ, я опредѣленъ миссіонеромъ новооткрытой Киргизской миссии, съ назначеніемъ мнѣ первоначальнаго мѣстопробыванія въ г. Устькаменогорскѣ, куда я и прибылъ 10 октября сего года.

Тѣже тревожныя думы, тѣже чувства робости и страха, то же сознаніе своего безсилія, какія я испытывалъ при первоначальномъ вступленіи моемъ въ Алтайскую миссію, пришлось мнѣ испытать и тогда, когда я получилъ назначеніе быть первымъ миссіонеромъ миссии Киргизской. Разница заключалась только въ томъ, что тогда, по мѣрѣ ознакомленія съ своимъ дѣломъ на Алтай, я чувствовалъ скорѣе успокоеніе тревожныхъ мыслей и близкихъ чувствъ, а иногда даже испытывалъ утѣшеніе и отраду. Нынѣ же, въ Киргизской степи, каждый шагъ знакомства съ предстоящимъ мнѣ дѣломъ, вызывая больше прежняго сознаніе слабости своихъ душевныхъ

силъ, навѣваетъ на меня въ то же время мрачныя думы и тяжелыя чувства, которыя теперь не только не умѣряются, но болѣе усиливаются. Тамъ—въ Алтаѣ, на первыхъ же порахъ, я увидѣлъ поле, частию уже вполне обработанное, а частию обрабатываемое ревностными и самоотверженными тружениками благовѣстія Христова; здѣсь же открылось предо мной обширнѣйшее поле, полное «терній и волчцевъ,» — поле, на которое стопа христіанскаго вѣроисповѣдника не ступала и котораго Апостольское рало не касалось. Тамъ я встрѣчалъ будущихъ своихъ сослуживцевъ — миссіонеровъ, братская любовь которыхъ незамедлила предложить мнѣ свой опытный совѣтъ и радушное участіе въ моихъ миссіонерскихъ нуждахъ, здѣсь же я одинъ. Тамъ, — для ознакомленія съ религіозною жизнію алтайцевъ, а равно въ разныхъ случаяхъ первоначальной своей дѣятельности, я находилъ пособіе въ средѣ какъ русскихъ, такъ и крещенныхъ инородцевъ; здѣсь же я въ началѣ встрѣтилъ или полное незнаніе русскими киргизскихъ вѣрованій, или же религіозный ихъ индиферентизмъ, который крайне удивилъ меня въ особенности во время моихъ поѣздокъ по казачьимъ поселкамъ Иртышской линіи, а также вверху по р. р. Бухтармѣ и Нарыму. Ко всему этому надо прибавить незнаніе мною отношеній Киргизовъ къ другой націи и вѣрѣ и, наконецъ, незнакомство мое съ самой территоріей Семипалатинской области, населенной киргизами. А потому, пріѣхавши въ Устькаменогорскъ, я прежде всего занялся изученіемъ киргизскаго языка и собираніемъ свѣдѣній о киргизахъ. — Въ первомъ помогать мнѣ взятый мною изъ Чернаго-Ануя въ сотрудники себѣ инородецъ Алексѣй Халтевъ (родомъ киргизъ), а за вторымъ я обратился къ нѣкоторымъ изъ жителей Устькаменогорска.

Взгляды на дѣло Киргизской миссіи, а равно и свѣдѣнія о киргизахъ, полученныя мною этимъ путемъ, до того были диаметрально одни другимъ противоположны, что я рѣшился пріобрѣтать нужныя для себя свѣдѣнія инымъ путемъ, именно путемъ собственнаго опыта. Но такъ какъ я не могъ начать свое дѣло съ такихъ пріемовъ, какіе обыкновенно практикуются среди Алтайцевъ, то и занятія мои на первыхъ порахъ ограничивались только изученіемъ киргизскаго языка и чтеніемъ противомусульманскихъ книгъ.

Прегращеніе почти непрерывныхъ трудовъ, къ какимъ я привыкъ на Алтаѣ, отсутствіе обычныхъ занятій, неимѣніе людей, съ которыми можно бы посоветоваться о началѣ своего дѣла, неизвѣстность первоначальныхъ пріемовъ въ подлежащемъ мнѣ, безгранично широкомъ дѣлѣ, сознаніе строгой нравственной отвѣтственности за послѣдствія отъ неумѣлаго или нерадиваго начала, — все это порождало во мнѣ однѣ только тяжелыя думы, которыя, однакожъ, часто заставляли меня вспоминать изрѣченіе Спасителя: *безъ мене не можете творити ничего*. Эти слова вызывали во мнѣ сугубую молитву ко Отцу свѣтовъ о ниспосланіи мнѣ духа разума, духа любви и терпѣнія....

Однажды, во время обычныхъ своихъ думъ о томъ, какъ придется начать свое дѣло, меня извѣщаютъ, что фельдшеръ при мѣстномъ уѣздномъ врачѣ, киргизъ, Дондубай Елембаевъ, неоднократно высказывалъ свое желаніе креститься, — но будучи неувѣренъ, чтобы крещеніе его совершилось въ тайнѣ отъ родителей и знакомыхъ, которые могутъ рѣшиться на все, лишь бы не допустить его до крещенія, — креститься не рѣшается. Посылаю за нимъ. Приходитъ молодой человекъ, европейски одѣтый, хорошо говорящій по русски. На мои вопросы о его намѣреніи креститься, онъ отвѣчалъ, что такого (намѣренія) желанія онъ никогда не имѣлъ, а потому никому объ этомъ и не говорилъ. Завязалась между нами религіозная бесѣда, во время которой немогъ я незамѣтить въ немъ колебанія мыслей между пониманіемъ имъ, какъ человекомъ все — таки болѣе или менѣе цивилизованнымъ, превосходства христіанскаго ученія предъ магометанскимъ, и привязанностію его, только по привычкѣ, конечно, къ вѣрѣ отцевъ.

Въ концѣ бесѣды Елембаевъ сказалъ: «перемѣнить религію — дѣло серьезное. Дайте мнѣ подумать.» Хорошо, сказали мы, и на томъ разстались.

Изъ бесѣды Елембаева со мной я убѣдился, что познанія его о христіанской религіи были основательнѣе, нежели о магометанской, что и неудивительно: съ малыхъ лѣтъ онъ учился въ интернатѣ*)

*) *Интернаты* — это учебныя заведенія для киргизскихъ дѣтей обоего пола (для каждаго отдѣльно), состоящія во всѣхъ уѣздахъ областей степнаго края. Заведенія эти учреждены съ цѣлію распространенія русскаго языка и грамотности между киргизами.

гдѣ киргизскія дѣти обязательно учатся только по русски; затѣмъ, по окончаніи курса въ Омской фельдшерской школѣ, русской же, онъ прямо поступилъ фельдшеромъ къ Устькаменогорскому уѣздному врачу. Съ своими родичами—киргизами онъ сообщался только во время исполненія фельдшерскихъ своихъ обязанностей. Жизнь велъ совершенно по русски. Какъ стипендіатъ киргизскаго общества, онъ долженъ былъ служить ему въ качествѣ фельдшера, въ продолженіи трехъ-лѣтняго срока, который приходилъ уже къ концу.

Имѣя все это въ виду, я хотѣлъ было опять послать за нимъ для убѣжденія его въ принятіи христіанскою вѣры, — какъ онъ самъ приходитъ съ заявленіемъ своего желанія креститься, — но съ тѣмъ, чтобы крещеніе совершенно было не гласно, по возможности скорѣе и чтобы послѣ крещенія ему дозволено было оставить этотъ край, во избѣжаніе оскорбленій и, можетъ быть, чего либо и хуже того со стороны его родныхъ и знакомыхъ.

Весьма обрадовался я такому заявленію, предполагая въ немъ начало дѣла, на которое я посланъ, — но крестить его мы съ моимъ сотрудникомъ рѣшили не прежде, какъ познакомивши его основательнѣе съ христіанскою вѣрою и убѣдившись въ искренности его желанія.

Состоя на службѣ, онъ не могъ часто приходиться къ намъ, а когда приходилъ, то дѣла было довольно: мы его знакомили съ христіанскими истинами, читали ему Евангеліе, которое онъ сличалъ съ текстомъ татарскимъ, такъ какъ татарско-арабская грамота ему хорошо извѣстна. Онъ, съ своей стороны, меня знакомилъ съ киргизскою рѣчью, а сотрудника, А. Халуева, училъ татарской грамотѣ. На время поѣздки моей въ г. Семипалатинскъ за испрошеніемъ себѣ у г. Губернатора дорожнаго документа для разъѣздовъ по Семипалатинской области, Елембаева я поручилъ Алексѣю Халуеву.

Въ Семипалатинскѣ областнымъ начальствомъ я принятъ былъ сочувственно. Выражено было согласіе для безпрепятственности поѣздокъ моихъ по киргизской степи выдать мнѣ надлежащія бумаги. Но при этомъ замѣчено было, что дѣйствія мои, какъ миссіонера, должны быть крайне *осторожны*, даже болѣе: «ни въ какомъ случаѣ и ни какимъ образомъ я не долженъ высказывать

своего прямого назначенія;» или, выражаясь языкомъ болѣе яснымъ, — я долженъ положить печать абсолютнаго молчанія на мои уста, предназначенныя, по самому призванію миссіонерскому, для проповѣданія Слова Божія истины благовременнѣ и безвременнѣ. Между прочими поэтому предложено было мнѣ переѣхать въ Семипалатинскъ, гдѣ, занимая мѣсто священника церкви Тюремнаго замка, я могъ бы пока *скрывать* свое назначеніе, съ которымъ я посланъ въ Семипалатинскую область.

Городской Голова, купецъ В. И. Ложкинъ, желая выразить свое христіанское сочувствіе къ новой миссіи, изъявилъ свое желаніе на свои средства нанимать квартиру для миссіонера, а равно выдавать отъ себя то жалованье (120 р. въ годъ), которое полагается тюремному священнику отъ попечительнаго о тюрьмахъ комитета.

Обо всемъ этомъ я сообщилъ на благоусмотрѣніе Преосвященнѣйшаго Начальника миссій.

По возвращеніи моемъ въ Устькаменогорскъ, вышеупомянутый фельдшеръ Елембаевъ опять торопилъ меня крестить его. Но недостаточно еще убѣдившись въ искренности его желанія, а равно не успѣвъ приготовить его къ принятію имъ св. крещенія, я еще нѣсколько медлилъ. Вскорѣ Елембаевъ былъ посланъ врачомъ въ киргизскія волости для прививанія оспы, а я, будучи пораженъ жестокимъ ревматизмомъ, слегъ въ постель, съ которой поднялся въ послѣднихъ числахъ декабря и — хотя съ трудомъ — отправился въ Бійскъ, на ежегодное братское собраніе нашихъ миссіонеровъ. Въ виду того, что дѣло Киргизской миссии въ настоящемъ его положеніи, еще не указало миссіонеру мѣста для постояннаго его пребыванія, Начальникъ миссій разрѣшилъ мнѣ переѣхать временно въ Семипалатинскъ, тѣмъ болѣе, что и сочувствіе къ миссии Киргизской оказалось на дѣлѣ именно въ этомъ городѣ.

Итакъ, по возвращеніи моемъ изъ Бійска, въ началѣ февраля 1883 года, я долженъ былъ переѣхать въ г. Семипалатинскъ. О Елембаевѣ я тогда, къ немалому удивленію своему, узналъ, что онъ въ городъ не возвращается. Доходили до меня слухи, что онъ измѣняетъ своему намѣренію креститься, — слухи, вскорѣ подтвердившіеся. Письмомъ своимъ Елембаевъ увѣдомилъ меня, что мать его,

узнавъ, что онъ намѣренъ креститься, объявила ему, что она рѣшится на самоубійство, если только онъ окрестится. А потому онъ откладываетъ свое крещеніе впредь «до благопріятныхъ семейныхъ обстоятельствъ» и въ послѣдствіи я собралъ нѣкоторыя о немъ свѣдѣнія, которыя поселяютъ во мнѣ сомнѣніе, чтобы онъ воспользовался когда либо благопріятными для его крещенія обстоятельствами, еслибы даже таковыя и наступили.

Такимъ образомъ наши занятія съ нимъ, наши особенныя надежды на него, какъ на человѣка грамотнаго, учившагося въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, а потому болѣе полезнаго и нужнаго для новой миссіи—остались втунѣ.

Но тѣмъ не менѣе, видно Господу Богу все таки угодно было въ первомъ мѣстѣ пребыванія Киргизскаго миссіонера положить и фактическое начало Киргизской миссіи крещеніемъ въ Усть-каменогорской церкви, 13 февраля, вмѣсто Дондубая Елембаева, другаго киргиза *Елембая*.

О томъ, какъ мы приобрѣли овцу сію для церкви Христовой и какое распоряженіе дѣлалъ Преосвященный Начальникъ миссій по этому радостному событію,—объ этомъ скажетъ нижеслѣдующее письмо Начальника миссій, на имя своего помощника, о. Игумена Макарія.

«Сегодня, когда Св. церковь воспоминаетъ 1-е и 2-е обрѣтеніе честины главы Св. Іоанна Предтечи и *Крестителя* Господня, я имѣлъ утѣшеніе получить отъ нашего почтеннаго собрата, миссіонера о. Филарета, изъ Устькаменогорска, письмо, между прочимъ гласящее: «Сегодня, 13 февраля, (недѣля *блуднаго сына*) въ Устькаменогорской церкви совершено мною св. крещеніе надъ Киргизомъ «Елембаемъ, первымъ по времени прозелитомъ Киргизской миссіи, съ нареченіемъ ему имени *Іоаннъ*».

Итакъ, благодатію Божіею, 13 февраля 1883 года положено фактическое начало миссіи Киргизской! Слава Богу о всемъ! Спѣшу подѣлиться съ Вами этою свѣтлою радостію. Слава Богу! Мы, Алтайцы, дожили до исполненія того, съ чего думалъ начать миссіонерское дѣло нашъ первоначальникъ о. Архимандритъ Макарій,

моему отвѣчали: «рано,» о чемъ заботился его преемникъ, не давно почившійо. Протоірей Стефанъ Ландышевъ, коему отвѣчали: «поздно». Времена и лѣта въ Своей руцѣ положивый отложилъ начало сего до нашего времени. Да будетъ сіе начало такъ же благословенно, — или и паче, — какъ было благословенно начало Алтайской миссіи. Тогда и главу, и тѣло оной составлялъ одинъ о. Архимандритъ Макарій, крѣпкій къ Богу молитвенникъ. Азъ же, молитвою убогъ сый, но имѣя при себѣ довольно помощниковъ и сотрудниковъ и подъ собою многіе десятки разныхъ служителей, около себя многія тысячи новообращенныхъ, ко всѣмъ имъ, чрезъ Васъ, о. Игумень, усердно обращаюсь и усиленно прошу составить, хотя тѣлами раздѣленный, но союзомъ любви соединенный, единый цѣлокупный полкъ молитвенный и не только вѣянiемъ молитвы любвеобильной оживить, но, кто имѣетъ даръ, и слезами любви окропить, сей юный ростокъ юной Киргизской миссіи. Изъ сего зерна горчичнаго да возрастетъ древо веііе настолько, чтобы въ вѣтвяхъ его нашли себѣ благодатный пріютъ тѣ сотни тысячъ киргизовъ, которые теперь, какъ перелетныя птицы, движутся по своимъ степямъ, къ счастью пока ни язычники по старому, ни магометане по новому (*).

(*) Въ 6-мъ № «Церков. Вѣстника» за 1883 годъ, въ статьѣ—*«краткій очеркъ распространіи христіанства въ Сибири,»* читанной 6 декабря 1882 года членами Иркутскаго мисіонерскаго общества въ собраніи по поводу трехсотлѣтняго Сибирскаго юбилея, между прочимъ, пишется слѣдующее: «...Нельзя неупомянуть объ Архимандритѣ Макаріѣ, первомъ Начальникѣ Алтайской миссіи. Это былъ человекъ высокаго ума, обширной богословской учености, искренняго благочестія и апостольскаго самоотверженія. Отказавшись отъ должности Ректора Семинаріи, онъ изъявилъ желаніе идти съ проповѣдію Слова Божія въ Сибирь. Сначала онъ хотѣлъ возвѣщать Слово Божіе киргизамъ, но ему въ этомъ отказали. Тогда онъ отправился на Алтай, въ Бійскій округъ, Томской губерніи, и здѣсь, въ селеніи Улалѣ, основалъ свой станъ. Его плодотворная дѣятельность продолжалась съ 1834 по 1842 годъ. Имъ было просвѣщено крещеніемъ нѣсколько сотъ человекъ, преимущественно калмыковъ и татаръ. Его преемники въ должности начальника Алтайской миссіи были протоіерей Ландышевъ и архимандритъ Владимиръ, — нынѣ Викарій Томской епархіи...» Говоря даже о христіанствѣ, какъ наиболѣе дѣйствительномъ средствѣ къ обрусѣнію инородцевъ, и къ приобщенію ихъ къ европейской гражданственности и представляя при семъ фактическія доказательства такового вліянія христіанства въ крещеныхъ Иркутскихъ бурятахъ, — авторъ продолжаетъ: «То-ли видимъ тамъ, гдѣ полагались искусственные препятствія распространенія христіанства? Вспомните о Киргизской степи. Туда непустили въ 30 годахъ одного изъ самоотверженныхъ и преданнѣйшихъ Слову Божію проповѣдниковъ. Почему? По тому что нехотѣли вносить религіозную рознь въ среду Киргизовъ и раздражать ихъ фанатизмъ. Но киргизы въ это время были еще почти язычники; магометанство только что стало распространяться; никакого фанатизма, свойственнаго магометанству, между ними небыло. Итакъ, что же нужно было дѣлать съ ними, въ видахъ чисто правительственныхъ? Нужно было препятствовать распространенію между ними магометан-

«Да исполнится сіе, собраніе вѣрныхъ по зову Вашему первѣе всего въ главномъ станѣ Алтайской миссіи, селеніи Улалѣ, гдѣ былъ крещенъ первенецъ Алтайскій: соборне сперва совершите благодареніе за совершившееся Отцу свѣтовъ, потомъ прошеніе за будущее преслѣянiе начатаго. Затѣмъ отъ меня передайте тоже самое всѣмъ нашимъ о Христѣ сослужителямъ о. о. миссіонерамъ, чтобы каждый изъ нихъ съ своей паствой совершилъ тоже самое.»

«Имя это (Іоаннъ), пишетъ о первенцѣ своемъ о. Филаретъ, «дано ему русскими, еще изъ дѣтства, а потому и измѣнять его я «неимѣлъ нужды. Этотъ Иванъ жилъ чуть не съ младенчества въ «селѣ Красноярскомъ. По облику своему и чистому русскому нарѣчію, «новокрещенный юноша, настоящій русскій, а по вѣрѣ во Христа, «теплотѣ христіанскаго чувства и по мыслямъ онъ давно христіанинъ. «Давно онъ горѣлъ желаніемъ быть крещенымъ, много разъ и по «долгу просилъ онъ объ этомъ ближайшаго священника. И, Богъ «вѣсть, когда бы исполнилось его желаніе если бы мнѣ, ѣхавшему «въ Бійскъ, не пришлось *по ошибкѣ*, ночью, вмѣсто постоялаго «крестьянскаго дома, попасть въ казачій, гдѣ въ бесѣдѣ съ казацкимъ

ства, — скажете Вы? Нѣтъ не то; оказалось нужнымъ искусственно распространять и укрѣплять между ними магометанство; для чего стали вызывать муллъ изъ фанатической Бухары, строить мечети часто руками русскихъ казаковъ! Какіе же были результаты такихъ мѣропріятій? Тѣ, что тамъ и доселѣ нельзя обойтись безъ военныхъ форпостовъ для удержанія киргизовъ въ повиновеніи. Нѣчто подобное встрѣчаемъ мы и въ Забайкальѣ. До половины прошлаго столѣтія между тамошними бурятами господствующею вѣрою было шаманство, которое легко уступало давленію христіанства: «русская вѣра — первая вѣра, всѣмъ вѣрамъ вѣра,» говоритъ шаманинъ, даже отказывающійся принять христіанство. Ясно, что шаманизмъ при такомъ убѣжденіи недалеко отъ царствія Божія. Итакъ, нужно было, во что бы то ни стало, отдалить его отъ христіанства. Къ несчастію, нашлось подъ рукой и подходящее для этого средство. Это былъ буддизмъ. Буддизмъ былъ слабъ среди Бурятъ; нужно было его укрѣпить. Начали officialнаго Начальника надъ ламами — хамбо ламу, признали ламъ, этихъ отшельниковъ, которымъ запрещено даже выходить изъ своихъ дацановъ, лицами духовными, надѣлили ламъ землями и угодьями, о которыхъ и не смѣло мечтать православное духовенство, дозволили имъ преслѣдовать шаманство и строить свои дацаны. Мало этого, ламъ стали награждать медалями и даже орденами, за что? Вѣрно за быстрое распространеніе буддизма? Что же вышло? Успѣхи христіанства между бурятами ослабли, выѣсть съ нимъ ослабло и вліяніе русской гражданственности среди Забайкальскихъ бурятъ. Не удивительно, что Бурятъ-Ламаитъ въ своемъ быту доселѣ остается въ томъ полукочевомъ, или кочевомъ состояніи, въ какомъ застали его русскіе при первомъ своемъ завоеваніи Забайкалья. Не говорю, чтобы въ этомъ покровительствѣ магометанству или буддизму виновенъ былъ какой-либо злой умыселъ; нѣтъ, всему виной религіозный индиферетизмъ, или поверхностное понятіе о религіозной свободѣ, навѣянное XVIII вѣкомъ, соединенное съ стремленіемъ регламентировать то, что неподдается никакой регламентаціи, — сердечныя, внутреннія, самыя сокровенныя убѣжденія человѣка.»

«учителемъ и узналъ объ Иванѣ и его безсудныхъ хлопотахъ о крещеніи. Удивительно, почему этотъ юноша до сихъ поръ не могъ быть крещенъ!»

«Не правда-ли, что эти строчки почти буквально повторяютъ исторію крещенія первенца Алтайскаго, и о. Филаретъ пишетъ будто бы старинную начальную исторію Алтайской миссіи, а не новую, начинающуюся исторію миссіи Киргизской». Въ весьма многихъ частностяхъ, какъ бы случайныхъ, сходство одной съ другою подаетъ благу надежду на то, что и дальнѣйшая исторія юной Киргизской миссіи (дай Богъ только, чтобы одною свѣтлой отрадной стороною) будетъ совпадать съ исторіею, уже полувѣковой, юбилей проводившей, миссіи Алтайской!»

Крещеніе первенца Киргизскаго тѣмъ еще памятно для меня, что для отысканія ему воспріемника понадобилось столько трудовъ, усилій и хлопотъ, сколько я въ умѣ своемъ не могъ и представить. Воспріемницею, съ готовностію и христіанскимъ радушіемъ, согласилась быть боголюбезная старица, хозяйка моей квартиры, вдова Аудитора Евдокія Иванова Трапезникова, которая видя бесполезные мои поиски за воспріемникомъ, какъ Устькаменогорская старожилка, сама приняла на себя трудъ, и трудъ, какъ оказалось, далеко не легкій, отыскать воспріемника. Она обращалась и къ военнымъ, и къ статскимъ, и къ мѣщанамъ, — бросалась и на торжище къ продающимъ и покупающимъ, — и всѣ подъ разными предлогами отвѣчали «деликатнымъ» отказомъ. Лишь только послѣ долгихъ поисковъ намъ удалось найти воспріемника въ лицѣ сотника казачьяго войска А. С. Масласова, который съ радушіемъ согласился на нашу просьбу.

И такія усилія, такія хлопоты потребовались для крещенія *одного* и при томъ *перваго* крещенца Киргизской миссіи *въ русскомъ православному городѣ!* Что же бы предстояло испытать Миссіонеру, елибы Господь благословилъ крестить въ этомъ городѣ нѣсколькихъ, — неговорю многихъ, — киргизъ?! На многія не веселыя думы наводитъ этотъ прискорбный фактъ равнодушія даже образованныхъ русскихъ христіанъ къ одному изъ величайшихъ дѣлъ нашей любвеобильной религіи, дѣлу просвѣщенія свѣтомъ истины невѣдущихъ ея, дѣлу, которому въ другихъ цивилизованныхъ государствахъ люди служатъ съ усердіемъ и полнымъ сочувствіемъ, достойными подражанія.

20 февраля служилъ Литургію въ селѣ Верхъ-Ульбинскомъ (оно же Сокры), отстоящемъ отъ Устькаменогорска въ 10 верстахъ, гдѣ крестилъ одного киргиза Улановской волости, Устькаменогорскаго уѣзда, *Стыккая*, нареченнаго Теодоромъ.

Жители села Согры, вѣроятно, какъ люди «не цивилизованные» конечно, въ смыслѣ той псевдо-цивилизаци, которая царитъ въ иныхъ нашихъ городкахъ, — иначе, чѣмъ въ Устькаменогорскѣ, отнеслись къ моему предложенію быть воспріемниками юнаго сына Христовой церкви: на это вызвалось вдругъ нѣсколько человекъ, одинъ согласился даже усыновить новокрещеннаго.

Кстати скажу, что въ Верхъ-Ульбинцахъ я замѣтилъ рѣдкое среди сибиряковъ явленіе: это — большое усердіе ихъ къ посѣщенію храма Божія. Во время нашего служенія церковь была полна народа, съ усердіемъ внимавшаго нашему поученію. Объ усердіи ихъ посѣщавъ храмъ мнѣ и посторонніе подтвердили. Не смотря на очень мало число прихожанъ, церковь въ Согрехъ имѣетъ очень приличный видъ какъ снаружи, такъ и внутри. Этимъ она оязана ревности и при мѣрному усердію мѣстнаго церковнаго старосты.

Въ концѣ февраля, мы съ сотрудникомъ перѣехали въ Семипалатинскъ, съ назначеніемъ меня Епархіальнымъ Начальствомъ Настоятелемъ Тюремной церкви.

Очень рады мы были, что имѣли свою церковь, рады были особенно потому, что въ странствованіяхъ нашихъ по чужимъ приходамъ, не всегда приходилось получить возможность успокоить и подкрѣпить служеніемъ Литургіи и приобщеніемъ Св. Таинъ, мятущійся среди всякаго рода препятствій и тревоженій, духъ нашъ.

Съ марта до іюня мѣсяца я прожилъ въ Семипалатинскѣ безъ выѣздно, занимаясь изученіемъ Киргизскаго языка, чтеніемъ противу мусульманскихъ книгъ, собраніемъ, чрезъ разспросы знающихъ людей, свѣдѣній о Киргизахъ, объ ихъ религіозномъ, нравственномъ, семейномъ и общественномъ положеніи, отношеніи ихъ къ русскимъ и обратно, группируя всѣ эти свѣдѣнія въ моемъ странническомъ дневникѣ, и сплетая по нимъ только пока еще канву для будущей моей трудной работы. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ совершалъ Богослуженіе въ Тюремной церкви съ произнесеніемъ поученій. По временамъ велись мною бесѣды съ русскими узниками, а однажды довелось бесѣдовать и съ арестованными киргизами. Съ послѣдними бесѣда моя была для меня совершенно неожиданна, и безъ всякаго предварительнаго намѣренія и приготовленія.

Однажды я случайно вошелъ въ большую тюремную камеру, въ которой находилось человѣкъ до 15 киргизъ. На вопросъ одного изъ нихъ: что мнѣ отъ нихъ нужно? я отвѣтилъ, что законъ христіанскій обязываетъ меня посѣщать всѣхъ заключенныхъ безъ различія вѣры, а потому я и къ нимъ пришолъ побесѣдовать, — спросить ихъ: каково живетъ имъ здѣсь, гдѣ ихъ семейства, сколько ихъ, скучаютъ ли они о своихъ родныхъ, друзьяхъ, о своихъ аулахъ и широкой, необъятной степи? Получаютъ ли какія либо извѣстія оттуда, и т. п.?

Этими и подобными общими вопросами, я и предполагалъ было ограничить свое собесѣдованіе съ киргизами. Но вдругъ одинъ изъ нихъ говоритъ мнѣ, что русскіе заключенные, получая подаваніе для всѣхъ узниковъ, дѣлятся имъ несправедливо, оставляя большую часть для себя и отдавая Киргизамъ меньшую, — и что позволяетъ ли такъ дѣлать намъ христіанскій законъ? На это я сказалъ, что если русскіе заключенные и дѣлаютъ такъ, то, вѣроятно потому, что ихъ значительно больше числомъ, нежели киргизъ, — но что если они дѣйствительно утаиваютъ подаванія, то это совершенно противно закону христіанскому, и повелѣвающему, напротивъ, любить даже враговъ своихъ, платить за зло добромъ, и дѣлиться послѣднимъ имѣніемъ съ неимущими, къ какой бы вѣрѣ или народности таковыя ни принадлежали. Киргизы слушали мое слово съ напряженнымъ вниманіемъ, видя которое, я невольно увлекся, забылъ всѣ предостереженія и совѣты и началъ подробно рассказывать и изъяснять заповѣдь Спасителя о любви къ ближнимъ, при чемъ рассказалъ притчу о милосердіи Самарянина. Вниманіе слушателей было необыкновенно большое. Слова мои переводилъ одинъ изъ заключенныхъ же киргизъ, переводилъ толково и оживленно, чѣмъ вызывалъ у слушающихъ то вздохи, то восклицанія, въ родѣ слѣдующихъ: «никогда и ничего подобнаго мы неслыхали про русскую вѣру!... Какія хорошія слова говоритъ этотъ мулла (священникъ)!... Онъ такъ учитъ, какъ учитъ здѣшній Ахунъ!» (*) Видя усердіе киргизъ къ слушанію моего слабого, но искренняго слова, я просилъ у нихъ

*) Ахунъ — старшее духовное лицо у мусульманъ, въ родѣ нашихъ уѣздныхъ Протоіереевъ или благочинныхъ.

позволенія еще побывать для взаимной бесѣды, и они, низко кланяясь и благодаря за настоящую бесѣду, просили приходить къ нимъ, когда я пожелаю. Но, къ великому моему прискорбію, визитъ этотъ мой къ заключеннымъ въ тюрьмѣ киргизамъ былъ первый и вмѣстѣ послѣдній, такъ какъ я потомъ получалъ нѣсколько новыхъ предостереженій отъ г. Губернатора быть крайне осторожнымъ, т. е. опять же абсолютно безгласнымъ, что я и вынужденъ былъ дѣлать.

Въ концѣ мая Семипалатинскъ постигъ Начальникъ миссій, Преосвященный Викарій Владиміръ, Епископъ Бійскій, и обозрѣвавшій епархію; Владыка служилъ во всѣхъ церквахъ города и, какъ всегда и вездѣ, произвелъ на общество самое отрадное впечатлѣніе своимъ величественнымъ служеніемъ, поученіями и отеческою простотою обращенія.

Съ іюня до сентября я совершалъ поѣздки по казачьимъ поселеніямъ, расположеннымъ по теченію р. р. Нарыма, Бухтармы и Иртыша, съ цѣлію, посредствомъ разспросовъ и личныхъ наблюденій, подыскать мѣсто, удобное для стана Киргизской миссіи, откуда можно было бы, хотя со временемъ, открыть миссіонерскія дѣйствія, такъ какъ въ Семипалатинскѣ и его ближайшемъ районѣ рѣшено было не начинать евангельскую проповѣдь.

Во время поѣздокъ моихъ по казачьей линіи, я вынесъ убѣжденіе, что казаки не могутъ похвалиться ни религіознымъ настроеніемъ, ни чистотою нравовъ, ни трудолюбіемъ.

Противоположныя же этимъ качества въ избыткѣ замѣчаются во всѣхъ проявленіяхъ жизни сихъ (христолюбивыхъ) воиновъ. Религіозный индиферентизмъ казаковъ просто поражаетъ наблюдателя.

Поэтому и киргизы, находящіеся у нихъ въ работникахъ, ничего добраго не могутъ у нихъ позаимствовать. Последнее подтверждается тѣмъ грустнымъ, повсемѣстно отмѣчаемымъ здѣсь фактомъ, что киргизъ, прослуживши у казаковъ десятки лѣтъ, неимѣетъ нималѣйшей склонности къ принятію христіанства, хотя въ тоже время самъ онъ не держится рѣшительно никакой вѣры. Трудно представить себѣ болѣе индифферентнаго по отношенію къ религіи чловека, какъ киргизъ, служащій у казаковъ!

Недавая ничего добраго для подражанія киргизу, казакъ, взаимно

того, не мало самъ заимствуетъ у киргиза. Вы увидите на казакѣ киргизскую шапку, которую онъ и въ комнатѣ рѣдко снимаетъ, киргизскій халатъ или бешметъ (архалунъ). Киргизскій языкъ казакъ знаетъ въ совершенствѣ, и, что всего страннѣе, киргизскій языкъ звучитъ не только въ разговорѣ казаковъ съ киргизами, хотя бы знающими русскій языкъ, но и между собою, даже въ средѣ семейства, гдѣ шестилѣтній казаченокъ уже свободно болтаетъ по киргизски, равно какъ и научается джигитовать на конѣ, не зная въ то же время главнѣйшихъ молитвъ и часто не умѣя перекрестить лба.

Поднимаясь вверхъ по р. Бухтармѣ, я посѣтилъ *Берель*, послѣднюю русскую деревню на здѣшней Китайской границѣ. Деревня эта населена русскими крестьянами, изъ которыхъ большая половина раскольниковъ. Изъ жителей этой деревни обращаетъ на себя вниманіе крестьянинъ Василій Бѣлоусовъ, — назадъ тому двадцать лѣтъ бывший раскольниковъ, но потомъ самъ, чрезъ чтеніе старопечатныхъ же книгъ, уразумѣвшій всю ложность мнимаго старообрядчества, и затѣмъ обратившійся и всѣхъ своихъ родныхъ обратившій въ Православіе. Теперь онъ уже старикъ, всегда сидящій за «старою» книгою, и изрѣченіями изъ этой книги, любимой и почитаемой раскольниками, поражающій и посрамляющій противниковъ церкви Божіей, какъ бы собственнымъ же ихъ оружіемъ.

Въ деревнѣ Берель, изъявили желаніе креститься два брата киргиза, Чингизтайской волости, Абдыльда и Абдреке. Первый изъ нихъ ослѣпъ въ прошлый годъ отъ оспы. Видя въ этомъ наказаніе Божіе за грѣхи, Абдыльда, съ глубокимъ чувствомъ смиренія и особенно твердой искренней вѣрой принималъ св. крещеніе, которое надъ нимъ и надъ его братомъ совершено было въ бурной рѣчкѣ Бухтармѣ, съ особенною торжественностію.

Несмотря на ненастную погоду, вся Берель вышла къ мѣсту крещенія. Православные стояли востѣ самаго берега, киргизы нѣсколько поодаль, а раскольники выглядывали изъ-за деревьевъ. Въ концѣ священнодѣйствія крещенія сказано было поученіе ново-крещенымъ о возрожденіи ихъ къ этому таинствѣ и благодатной помощи, получаемой ими для жизни христіанской въ таинствѣ миро-

помазанія. Берельцамъ было говорено о дѣлахъ милости духовной и тѣлесной, которыя они должны показывать новопросвѣщеннымъ своимъ собратамъ по вѣрѣ.

Живя въ такомъ далекомъ захолустьѣ и никогда не видя никакого духовнаго торжества, Берельцы были замѣтно рады и довольны видѣннымъ и слышаннымъ въ этотъ день.

— «Если бы былъ у насъ священникъ, говорили нѣкоторые изъ нихъ, и чаще бы намъ рассказывалъ Слово Божіе, то не было бы между нами раскольниковъ».

Новокрещенныхъ я оставилъ на попеченіи благонадежнѣйшихъ православныхъ христіанъ этой же деревни.

Отъ холодной Берели, окруженный исполинскими горами, съ вѣчными снѣгами на ихъ вершинахъ (бѣлки), мы спустились внизъ по Иртышу до г. Павлодара, на разстояніи, по почтовому тракту, около 900 верстъ.

По совѣту нѣкоторыхъ семипалатинцевъ, мнѣ надо было побывать въ поселкѣ Ямышевскомъ, близъ Павлодара, населенномъ, какъ намъ передавали, «новокрещенными» киргизами. Оказалось, по свѣдѣніямъ мною на мѣстѣ собраннымъ, что въ первую четверть настоящаго столѣтія въ киргизской степи свирѣпствовалъ жестокій голодъ, и киргизы, дабы небыть свидѣтелями мучительной голодной смерти своихъ дѣтей, продавали ихъ за пудовку хлѣба русскимъ, которые вырастили ихъ, а затѣмъ крестили, нѣкоторыхъ изъ нихъ поженили на русскихъ, и вотъ дѣти-то и внуки этихъ киргизъ и составляютъ значительное большинство теперешняго населенія казачьего поселка Ямышевскаго.

Движенія къ принятію христіанства между киргизами, кочующими вокругъ Ямышева, нѣтъ никакого, и если и бывають единичныя крещенія, то, какъ и вездѣ по казачьей линіи, смежной съ киргизскою степью, очень рѣдко. Ямышевскіе казаки, какъ просвѣщенные св. крещеніемъ потомки бывшихъ киргизовъ, казалось, могли бы благопріятно повліять на своихъ единоплеменниковъ — магометанъ, въ дѣлѣ ихъ обращенія къ вѣрѣ Христовой, но, къ сожалѣнію, не только этого незамѣчается, но, напротивъ, и по моимъ наблюденіямъ, и по отзывамъ знающихъ людей, сами ямышевцы нуждаются въ особомъ

миссіонеръ, для утвержденія ихъ въ мало знакомой имъ и совершенно игнорируемой ими христіанской религіи.

По совѣту преосвященнаго Владиміра, я, въ августъ мѣсяцъ, поѣхалъ въ казачій поселокъ *Буконь*, гдѣ преосвященный уже бывалъ въ проѣздъ свой по епархіи, и рекомендовалъ мнѣ обратить на этотъ поселокъ особое вниманіе.

Въ пос. Буконь, отстоящій отъ г. Кокпектовъ въ 20 верстахъ, я проѣхалъ Киргизскою степью по р. Чару, виѣ тракта.

По дорогѣ мы лошадей перемѣняли и ночевали въ Киргизскихъ аулахъ, обильно разсыянныхъ по здѣшнимъ богатымъ подножнымъ кормомъ для скота долинамъ. Здѣсь я увидѣлъ, что домашняя жизнь степныхъ киргизовъ совершенно противоположна жизни нашихъ алтайскихъ кочевниковъ. Чистоту и опрятность киргизовъ можно поставить въ примѣръ грязнымъ и нечистоплотнымъ алтайцамъ. Вся вообще внѣшняя обстановка быта киргизъ уже показываетъ значительную степень ихъ цивилизованности: самоваръ, хорошій фарфоровый чайный сервизъ, ножи, вилки, порядочная въ русскомъ вкусѣ посуда, предположены были къ нашимъ услугамъ гостепріимными номадами. По киргизскому обычаю, для насъ, какъ почетныхъ гостей, заколотъ былъ баранъ для ужина, отъ котораго я, впрочемъ, отказался, что вызвало у хозяевъ большое сожалѣніе. Юрту для меня выстлали бухарскими коврами, поверхъ которыхъ постлали сначала ситцевыя одѣяла, а на нихъ — шелковыя, за сцину подложили пуховыя подушки.

Всѣ это дѣлалось съ любезною предупредительностію, но что всего больше меня удивило, — это отсутствіе у видѣнныхъ мною киргизъ всякой робости, а менѣе боязливости, какъ у взрослыхъ, такъ и у дѣтей. Всѣ они знали, что я Священникъ (хотя не знали моего миссіонерскаго назначенія), — однакожъ, никто изъ нихъ отнюдь не стѣснялся ничѣмъ когда невиданнымъ имъ гостемъ, каковъ русскій Священникъ. Женщины толпою окружили меня, съ любопытствомъ разсматривая мою рясу, безцеремонно брали себѣ въ руки, любовались швами, шитыми машиною. Шитье машинное онѣ сейчасъ отличили отъ ручнаго и восхваляли его. Дѣти, одниъ передъ другимъ, суетились и хлопотали около меня, и смѣло, бойко отвѣчали на мои вопросы.

Нѣкоторые изъ нихъ показывали мнѣ свое письмо киргизской грамоты, по татарскому алфавиту.

Меня весьма удивило то, что въ каждомъ аулѣ, состоящемъ хотя бы изъ 10—15 юртъ, непременно имѣется учитель, который исполняетъ у нихъ и должность муллы. По этому то въ киргизской степи, въ каждомъ аулѣ, нѣрѣдкость встрѣтить нѣсколькихъ грамотныхъ киргизъ.

Все вышеизложенное ясно свидѣтельствуетъ, что киргизы уже далеко не свирѣпые дикари, какими они были много лѣтъ назадъ, а довѣрчивое и дружелюбное отношеніе ихъ къ представителю Христіанской религіи, лично испытанное мною, показываетъ, что они вовсе не такіе суровые фанатики, какими стараются обрисовать ихъ нѣкоторые лица, пытающіеся доказать, что Христіанство уже «опоздало» съ своею проповѣдью среди мусульманившихся и пропитанныхъ будто бы изуверствомъ, выѣзшихъ киргизъ. Намъ кажется, что, напротивъ, замѣченные нами добрыя качества киргизъ могутъ послужить благоприятною основою для будущаго сѣянiя среди нихъ Слова Божiя. Само собой разумѣется, что мы объ этомъ высказываемъ лишь только свое *мнѣніе*, основанное на недолгомъ нашемъ наблюденіи.

Наконецъ я прибылъ въ *Буконь*. Поселокъ этотъ окруженъ съ трехъ сторонъ киргизскими кочевьями, а съ четвертой (на разстояніи, какъ сказано, 20 верстъ) маленькимъ безъузнымъ городкомъ Кокпектами, вмѣщающемъ въ себѣ, кромѣ русскихъ обывателей, нѣсколько семействъ татаръ съ мечетью.

Буконскіе казаки представляютъ собою контрастъ со всеми, до селѣ видѣнными мною сибирскими казаками: истинное и широкое гостепріимство, почтительность, необыкновенное трудолюбіе, а отсюда во всемъ и почти у всѣхъ достатокъ, усердіе къ посѣщенію храма Божiя, набожность и вообще религіозный складъ ихъ жизни, — вотъ что я не могъ не видѣть, къ моему утѣшенію, въ добрыхъ Буконцахъ, проживъ у нихъ нѣсколько дней.

Во время литургiи здѣшній маленькій молитвенный домъ не могъ вмѣстить въ себѣ и третьей части собравшихся помолиться; двѣ трети ихъ стояло въ церковной оградѣ. Какъ въ этотъ день, такъ

и на завтра, вплоть до вечера, я служилъ, по просьбѣ Буконцевъ, мелебны для нихъ, — то на площади, то на рѣкѣ, то по домамъ. Я былъ пріятно пораженъ такимъ необыкновеннымъ ихъ усердіемъ и молитвеннымъ расположеніемъ въ такой глуши, среди однихъ киргизовъ!.. Вѣрно, и въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ нашего православнаго царства, даже при неблагоприятныхъ вѣтшнихъ условіяхъ, нѣтъ недостатка въ истинныхъ рабахъ Божіихъ!..

Въ бесѣдахъ съ Буконцами, похваливъ ихъ христіанскую жизнь, я выразилъ свое удивленіе, что въ Букони нѣтъ ни одного крещенаго изъ киргизъ, когда кругомъ и среди ихъ, въ качествѣ, на примѣръ, работниковъ и пастуховъ, одни только киргизы. Мнѣ отвѣчали, что на это они «ненадоумились», и что кромѣ того, были среди нихъ одинъ киргизъ и одна киргизка, два года безуспѣшно хлопотавшіе о своемъ крещеніи, и затѣмъ, возвратившіеся опять въ степь къ роднымъ, недождавшимъ исполненія своего желанія, встрѣтившаго преграду въ разныхъ необходимыхъ формальностяхъ.

Имѣя въ виду такіе и подобные факты, и, кромѣ того, близость здѣсь киргизскихъ кочевьевъ, а главное — добрые примѣры доброй христіанской жизни Буконцевъ для будущихъ прозелитовъ, я высказалъ жителямъ Букони мое намѣреніе, если Господь благословитъ, основать въ ихъ поселкѣ свой станъ. Несказанно обрадовались Буконцы моему заявленію, и тотчасъ же обѣщались всячески помогать мнѣ въ дѣлѣ обращенія киргизъ къ Христіанской вѣрѣ и утвержденія въ ней новообращенныхъ и, чтобы тутъ же засвидѣтельствовать фактически свое усердіе, они въ тотъ же день уговорили ко крещенію одного киргиза, въ которомъ замѣчали давнишнюю склонность къ христіанству.

Киргизъ этотъ оказался хорошо знающимъ по русски и весьма толковымъ малымъ. Послѣ огласительнаго приготовленія и наученія его первоначальнымъ молитвамъ, мы окрестили киргиза, съ именемъ *Трифона*, въ водахъ р. Букони, при собраніи всѣхъ Буконскихъ жителей. Примѣру этого новаго сына Церкви Христіанской хотѣли было послѣдовать еще два киргиза, но отложили исполненіе своего намѣренія до слѣдующаго года, пока, тѣмъ временемъ, выучатся русскому языку. Нашего же совѣта принять нынѣ св.

крещеніе, для котораго прежде и главнѣе всего необходима вѣра во Христа, — киргизы непослушались. Видно, еще не пробилъ для нихъ часъ воли Божіей.

Когда я замѣтилъ Буконцамъ, что всегдашняя привычка ихъ объясняться съ своими работниками на киргизскомъ языкѣ создала препятствіе въ обращеніи упомянутыхъ двухъ киргизъ къ вѣрѣ Христовой, то они тутъ же пообѣщали отнынѣ объясняться съ своими работниками по-киргизски только въ крайнихъ случаяхъ. Кромѣ того, они обѣщали и молитвенный домъ свой увеличить, и школу открыть, лишь бы только мы перѣехали къ нимъ на жительство.

Послѣ крещенія Трифона многіе Буконцы собрались къ нему и наградили его и одеждою, и обувью, и деньгами, а одинъ казакъ взялъ его къ себѣ за сына. Нелѣзъ чрезъ три, какъ послѣ мнѣ писали, новокрещеннаго Трифона свозили въ Кокпекты, гдѣ онъ говѣлъ, а по возвращеніи его въ Буконь, къ нему опять собрались Буконцы и, поздравляя его съ полученіемъ великаго дара — Св. Христовыхъ Таинъ, одарили его съ избыткомъ деньгами и вещами. Вотъ рѣдкая христіанская черта, которую не вездѣ и незаурядъ можно встрѣтить между христіанскими обществами вообще, а тѣмъ болѣе между казаками. Чему приписать указанное отличіе въ религиозно-нравственной жизни Буконскихъ казаковъ отъ такового же ихъ собратій по жизни, ремеслу, и всѣмъ условіямъ быта, — жителей другихъ казачьихъ поселковъ видѣнныхъ нами? Тому развѣ только, что въ Букони съ самаго начала ея заселенія (*) водворились съ задатками добра и съ благодатнымъ огнемъ вѣры и благочестія въ своихъ сердцахъ, въ такихъ чувствахъ они воспитали дѣтей своихъ, и такимъ образомъ отъ добраго корня пошли, развились и укрѣпились и добрые ростки, разросшіеся теперь въ цѣлое дерево, приносящее и плоды добрые. Паче же всего здѣсь дѣйствовала всецѣльная благодать Божія, возвращающая и укрѣпляющая въ обществахъ христіанскихъ всякое добро.

Относительно же причинъ религиозной индифферентности и нечи-

(*) Здѣшніе казаки и ихъ отцы въ 40-хъ годахъ перѣехали изъ Бійской линіи въ г. Кокпекты, а отсюда въ 70 году — въ Буконь.

стоты, нравовъ, остальнаго казачества, мы можемъ сказать, что самая служба казаковъ, вдали отъ родныхъ людей имѣеть, въ глухихъ укрѣпленіяхъ и постахъ Киргизской степи и Туркестана, гдѣ имъ приходится вращаться преимущественно среди невѣрныхъ, и гдѣ, за дѣлами службы, рѣдко удастся имъ заняться дѣлами религии, — самая эта служба, на которой они получаютъ хорошее жалованье и отвыкають отъ семейнаго очага и домашнихъ, и земледѣльческихъ трудовъ, — служить главнѣйшею причиною холодности казаковъ къ вѣрѣ, распушенности нравовъ и лѣности въ трудахъ и работѣ, а все это вмѣстѣ пораждаеть, какъ, естественное послѣдствіе, разрушеніе ихъ матеріальнаго благосостоянія.

Съ такими мыслями я оставилъ добрый, гостепріимный Буконь, и возвратился въ Семипалатинскъ.

Здѣсь явился ко мнѣ пріѣхавшій изъ Устькаменогорска киргизъ *Сандыбай* для принятія крещенія. Мѣсяць приготавлили мы его ко крещенію, поставивъ себѣ правиломъ не снѣшать, безъ крайней нужды, преподаваніемъ этого таинства всѣмъ неофитамъ вообще, какъ для того, чтобы имѣть возможность основательно приготовить ихъ ко вступленію въ вѣдра Церкви Христовой, такъ и для того, чтобы не подать повода къ осужденію насъ нѣкоторымъ мнимымъ ревнителямъ преуспѣянія христіанскихъ миссій, пробовавшимъ даже печатно, но незаслуженно, упрекать насъ въ склонности къ неразборчивому будто бы крещенію киргизовъ, изъявляющихъ принять православіе (*), тогда какъ къ намъ, жившимъ въ Семипалатинскѣ въ продолженіи девяти мѣсяцевъ являлся изъ Семипалатинскихъ киргизовъ только одинъ киргизъ, которому въ крещеніи его мы и отказали, замѣтивъ въ немъ челоуѣка нетрезваго. Въ продолженіи мѣсяца киргизъ Сандыбай научился сознательно молитвамъ, усвоилъ главные правила вѣры христіанской, познакомился съ многими обычаями православными, и хорошо запомнилъ нѣсколько разъ читанную ему жизнь его будущаго патрона въ христіанствѣ, преподобнаго отца нашего Сергія Радонежскаго. Познакомившись съ многими Семипалатинскими жителями и уви-

(*) Говоримъ о весьма голословной корреспонденціи изъ Семипалатинска въ 44 № «Восточн. Обзоръ».

дѣвъ въ ихъ жизни немало христіанскихъ достоинствъ и добродѣтелей, я былъ увѣренъ, что мнѣ не придется уже много хлопотать о пріисканіи воспріемниковъ для новонареченнаго *Сергія*, въ чемъ и не ошибся. Лишь только я обратился къ аудитуру 2-го линейнаго баталіона, М. Г. Абрамовичу, съ просьбою быть воспріемникомъ, какъ онъ тотчасъ же радушно изъявилъ не только свое согласіе быть воспріемникомъ, но и готовность найти воспріемницу, которую и нашелъ въ лицѣ жены семипалатинскаго купца, О. Ѳ. Поляковой. Послѣ своего крещенія, новопросвѣщенный *Сергій* изъявилъ желаніе учиться русской грамотѣ, которой сталъ обучать его молодой сотрудникъ мой, алтайскій инородецъ, окончившій курсъ въ казанской учительской инородческой семинаріи, С. Г. Тодагоновъ, присланный на должность псаломщика Киргизской миссіи. Вскорѣ новокрещенный *Сергій* заявилъ мнѣ о своемъ намѣреніи сочетаться законнымъ бракомъ съ новокрещенною же киргизскою дѣвушкою Екатериной Ивановой Ковтуновою. Дѣвушка эта крестилась трехъ лѣтъ отъ роду, вмѣстѣ съ своею матерью, по смерти которой она взята была въ дочери однимъ офицеромъ, нѣкимъ Ковтуновымъ. Въ домѣ послѣдняго, теперь уже покойнаго, Екатерина получила хорошее воспитаніе, научилась правильно грамотѣ, шитью и другимъ женскимъ рукодѣльямъ, и — притомъ — настолько хорошо, что, по смерти своего воспитателя, безбѣдно и даже съ избыткомъ содержала себя, свою воспитательницу — старуху и ея сестру! Обладая такими качествами она имѣла выгодныхъ русскихъ жениховъ, просившихъ ея руки, но почему-то отклоняла ихъ предложенія, и наконецъ выборъ ея палъ на новокрещеннаго *Сергія*, котораго она сама экипировала въ русское платье. При бракѣ нужны были для молодыхъ, по обычаю, посаженные отецъ и мать, которыми, по моей просьбѣ, съ готовностію согласились быть тѣ же г. Абрамовичъ и г-жа Полякова. Участіе свое къ молодымъ они выразили какъ-бы родные: Г. Абрамовичъ, по свойственной ему христіанской добротѣ, оказалъ молодой помощъ всѣмъ, чѣмъ только могъ. А г. Полякова, послѣ благословенія молодыхъ въ своемъ домѣ, дала для поѣздки ихъ въ церковь свой щегольской экипажъ съ лошадьми. Послѣ же вѣнчанія, она въ

своемъ, домъ предложила молодымъ и участвовавшимъ въ ихъ свадьбѣ радушную трапезу. Затѣмъ и послѣ брака вниманіе и участіе г. Абрамовича и г-жи Поляковой къ новобрачнымъ не прекращается: они стараются, чтобы молодые не остались безъ работы, а потому приглашаютъ своихъ знакомыхъ отдавать имъ работы, чѣмъ и существуютъ молодые, благодаря труду, удаляясь отъ пагубнаго бездѣйствія, лѣности, и столь обычнаго многимъ въ ихъ положеніи тунеядства.

Здѣсь, кстати, я долженъ сказать, что въ продолженіи моего девятимѣсячнаго пребыванія въ Семипалатинскѣ, я не могъ не замѣтить отсутствіе среди православныхъ семипалатинцевъ той меркантильной, эгоистически-разсчетливой, безчувственной къ нуждамъ и печалямъ ближняго, жизни, которая въ нашъ вѣкъ болѣе и болѣе начинаетъ проявляться въ большей части городовъ русскихъ. Напротивъ, чисто русское гостепріимство, радушіе, христіанское вспомоществованіе человѣку нуждающемуся, — всѣ эти свѣтлыя черты ярко блестятъ въ жизни семипалатинцевъ, въ сердцахъ которыхъ еще не погасъ любвеобильный духъ евангелія и неиссякъ источникъ присущей славянамъ доброты и широкаго радушія.

Чтоже касается лично меня, то я всегда пользовался отъ всѣхъ своихъ знакомыхъ искреннимъ благорасположеніемъ, вниманіемъ, и ни въ какой просьбѣ, ни отъ кого, никогда, не получалъ отказа. Оставивъ Семипалатинскъ, я сохранилъ о немъ самое пріятное воспоминаніе.

Получивъ разрѣшеніе Преосвященнаго Владиміра, теперь уже Епископа Томскаго и Семипалатинскаго, на переѣздъ съ сотрудниками въ Буконь, я предполагалъ было выѣхать изъ Семипалатинска въ началѣ ноября, но обычная моя, въ холодное время, болѣзнь — ревматизмъ позволила мнѣ отправиться въ путь только лишь въ концѣ ноября.

Декабря 11-го я пріѣхалъ въ Буконь.

Буконцы давно меня ожидали, и, узнавъ о постигшей меня въ Семипалатинскѣ болѣзни, молили, по ихъ словамъ, Бога о дарованіи мнѣ здоровья и скорѣйшаго къ нимъ прибытія. Встрѣча мнѣ со стороны этихъ добрыхъ людей была необыкновенно радостная: ста-

рые и малые, въ продолженіи двухъ дней, приходили ко мнѣ получить благословеніе и изъявить свою искреннюю радость о томъ, что, наконецъ, дождались меня, при чемъ каждый изъ приходившихъ приносили мнѣ и псаломщику муку, рыбу и овощи.

При такихъ, отрадныхъ для меня впечатлѣніяхъ, водворился я въ Букони, въ надеждѣ на всемогущее покровительство Многомилостиваго Господа, устрояющаго пути жизни человѣческой и неоставляющаго безъ Своей благодатной помощи смиренныхъ служителей и проповѣдниковъ Его Св. Евангелія.

Вотъ краткій очеркъ первыхъ шаговъ моей дѣятельности въ новорожденной Киргизской миссіи. Необильны плоды этой дѣятельности. Но, Богъ видитъ, что съ моей стороны были приложены все усилія и все способности къ возможно успѣшнѣйшему исполненію возложеннаго на меня дѣла и дѣланія. Были и препятствія къ достиженію сего, но не съ моей стороны.

Такъ, на примѣръ, нерѣшительное, полное боязни и опасеній, отношеніе къ новооткрытой миссіи со стороны семипалатинской областной администраціи или, вѣрнѣе — начальника области, обязавшей меня скрывать свое миссіонерское назначеніе и молчать тамъ и тогда, гдѣ и когда нужно было благовѣствовать, — послужило препятствіемъ въ дѣлѣ христіанской пропаганды среди киргизъ. Но эта боязнь и эти опасенія неосновательны, по нашему мнѣнію и по мнѣнію людей, хорошо знающихъ киргизскій народъ. Напрасно приписываютъ киргизамъ какой-то дикій фанатизмъ въ дѣлѣ религіи, могущій будто-то, вслѣдствіе проповѣди въ стени христіанства, агитировать киргизъ, склонить ихъ къ волненію во имя неприкосновенности ихъ магометанской религіи. По увѣреніямъ лицъ, близко стоящихъ къ киргизамъ, ничего подобнаго быть не можетъ, ибо значительное большинство киргизовъ далеко не столь фанатично и не столь привязано къ магометанству, какъ то вообще ражаютъ иные слишкомъ боязливые опекуны ихъ. Киргизы въ массѣ и нынѣ все еще тѣ же полуязычники и полумагометане, какими они были за пятьдесятъ пять лѣтъ назадъ. Духовенство ихъ, въ большинствѣ, малограмотно, весьма несильно въ магометанскомъ вѣроученіи и, извѣстное при этомъ своимъ крайнимъ сребролюбіемъ

и вымогательствомъ, не пользуется въ народѣ полнымъ авторитетомъ, а потому и не въ силахъ нафанатизировать свою кочевую паству. Смышленость киргизъ, ихъ довѣрчивое отношеніе къ русскимъ, ихъ воспримчивость къ цивилизации, природная способность къ изученію русскаго языка и многія другія добрыя качества,—даютъ основаніе надѣяться на успѣшность распространенія между ними христіанства, при условіи, конечно, разумной, внимательной, основанной на евангельской кротости и любви, дѣятельности христіанскихъ миссіонеровъ. Но при этомъ со стороны гражданской администраціи необходимо не стараніе скрыть, замаскировать дѣятельность проповѣдниковъ,—истина любить свѣтъ, не прячется и не маскируется,—но гласное и широкое покровительство миссіямъ. Безъ этого, руки миссіонеровъ связаны и свѣточъ истинной вѣры скрытъ подъ спудомъ, а не поставленъ, какъ подобаетъ, на свѣщникѣ, да свѣтитъ вѣмъ. Бесплодно горѣніе подобнаго свѣтильника, какъ бы самъ по себѣ онъ ни былъ чистъ и ярокъ.

Далѣе, одному миссіонеру, на такомъ обширномъ, какъ необъятная Киргизская степь, поприщѣ дѣятельности, невозможно сдѣлать многого, по справедливой пословицѣ: «одинъ въ полѣ не воинъ». Одному человѣку не объять не только своею фактическою дѣятельностію, но и мыслию ни этого обширнаго района, ни его многочисленныхъ насельниковъ. Одинокій дѣятель не многое можетъ сдѣлать въ своемъ микроскопическомъ уголкѣ, хотя бы самъ онъ горѣлъ усердіемъ къ великому своему дѣлу и былъ, при томъ, даже семи падей во лбу.

(Наконецъ нельзя не замѣтить, что содержаніе получаемое нынѣ Киргизскимъ миссіонеромъ, едва-ли можетъ привлечь въ Киргизскую миссію новыхъ охотниковъ; монашествующіе, къ прискорбію, уклоняются отъ миссіонерскаго служенія, въ чемъ я лично увѣрился во время посѣщенія моего нѣкоторыхъ обитателей, въ послѣднюю свою поѣздку въ Россію,—а семейнымъ священникамъ трудно существовать на недостаточное содержаніе, живя въ Семипалатинской области, гдѣ жизнь гораздо дороже, чѣмъ, напр., въ сосѣдней Томской губерніи, а въ особенности въ Бійскомъ ея округѣ; кто же будетъ благовѣствовать киргизамъ? Слово Божіе при этихъ условіяхъ)?

Итакъ, православное общество, видя не обильные плоды дѣятельности нашей новой миссіи и зная тяжелыя условія ея существованія, пусть не слишкомъ спѣшитъ судить только что возникшую миссію, но пусть молить Господа Бога послать на Его ниву добрыхъ дѣателей, а съ тѣмъ вмѣстѣ, отъ избытковъ своихъ, пусть усердствуетъ своею матеріальною помощью, отъ которой много зависить увеличеніе контингента миссіонеровъ, и немало также и самыя качества и способности идущихъ и принимаемыхъ на это служеніе.

Киргизскій миссіонеръ, Священникъ

Буковъ.

Филаретъ Синьковскій.

(Отдѣльный оттискъ изъ №№ 7 и 8 «Том. Еп. Вѣд.» за 1884 г.).